

САША ЧЕРНЫЙ

*Избранная
проза*

Москва

2005

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ч 49

Оформление серии художника *П. Сацкого*

В оформлении переплета использована работа
художника *К. Ковальчука* «Вечер» из серии «Сутки»

Ч 49 **Черный С.**
Избранная проза. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. —
608 с. — (Русская классика XX века).

ISBN 5-699-14284-3

Саша Черный (1880—1932) хорошо знаком читателю прежде всего как поэт — блестящий сатирик и тонкий, ироничный лирик. В настоящей книге собраны лучшие прозаические произведения писателя. Светлые «Библейские сказки», лукавые «Солдатские сказки», озорной «Дневник фокса Микки» понятны и детям, и взрослым. Свет подлинного гуманизма и незатейливость рассказа о простых вещах — загадка обаяния прозы Саши Черного.

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 5-699-14284-3

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Станция Мценск. Чемодан в одну руку, портплед в другую и на платформу. Поезд взвизгнул и укатил, а я остался. Скамейка с веселым соседом-скорняком, свежи на столике, недопитый чай, скептический разговор с наборщиком в коридоре и уютная ночная печаль за окном — где все это?

Холодный ветер, мечущиеся фонари у дверей первого класса и ящик для писем — все такое обычное и чужое. Особенно чужие черные буквы на стене: «Мценск». Сейчас открою дверь, глаза увидят новых людей, и всякий будет нужен, как утопающему — круг.

Носильщик берет мои вещи и, пробуя на руке новый чемодан, с любопытством, но почтительно заглядывает в глаза:

— В номера изволите?

— Нет. Лошадей надо. В Торчино.

— Лошадей, ваша милость, не достать, поздно.

Поздно? Как же быть?

— А вы в номера, с дороги отдохнете, а утречком...

— Далеко?

— Два квартала-с. Номера Бочагова, Еремей доведет.

— Какой Еремей?

— Извозчик то есть, у подъезда. Прикажете нести?

— Несите. Клопов много?

Носильщик улыбается, словно я ему рубль подарил:

— Маленечко есть, господа не обижаются, ничего-с.

— Ну, ладно.

Прохладная пыльная тьма, собачий лай. Влезаю на темные дрожки, прижимаю к груди чемодан и доверчиво всматриваюсь в тьму. Через 10 минут жестокой тряски приехали. Еще новый человек вынырнул из тьмы, потащил вещи и привел наверх. Оказался блондином; конечно, заспанным, конечно, грязным и, конечно, первые слова: «Пожалуйте паспорт».

Вхожу в номер, закрываю за собой дверь и оглядываюсь. Чужое... чужое, — там, за ставнями, сотни верст тьмы, незнакомой земли, лесов и пещерных жилищ, — здесь квадрат, оклеенный малиновой с золотом бумагой, запах грязного белья и обезьяньей клетки. А в центре я. Кто я? Зачем здесь? Спать.

Старые темные волны подступили, остановили расшатавшиеся ноги, опустили голову... Но ерунда, к черту — спать все-таки надо, а утром будет солнце и все будет иначе. С гадливостью сбросил на пол сальное ватное одеяло и жеваное белье, разостлал на матрац портплед, сверху свою простыню, укрылся пальто и, стараясь не касаться ни одной точкой тела заплеванной стены и железа кровати, укрылся с головой, притаился, согрелся кое-как и через пять минут умер легко и кротко.

.....

Воскрес и ничего не понимаю. Где? Во всех четырех окнах, как в рамах, пестрый нищенский жанр: мелкая речка, водовоз на бочке, заплатанный свайный мост, обшарпанные дома, осевшие и кривые, точно их кто распер изнутри, наличники, окрашенные синькой и охрой, и церкви... одна, две, четыре, шесть, семь, — все разные, игрушечных стилей, яркие, — словно декорация из национального балета. Все такое знакомое по книжкам, выставкам, но почему-то никогда не приходило в голову, что оно существует, где-то живет, кем-то

заведено и до сих пор, как было в «Мертвых душах», так и сохранилось. Уездная Помпея, так сказать. Разве только вокзал железной дороги пристроился на окраине.

Звоню:

— Самовар, и как насчет лошадей?

— Сейчас.

Услужующий засален, заспан, угрюм и пахнет чем-то очень сложным и тяжелым — словом, традиция соблюдена до мелочей. Даже трогательно. Самовар оказался такого цвета, точно его только что выкопали из кургана, чай отдавал мокрой шерстью, а баранки ломались с сухим треском и рассыпались в пальцах. Мне стало смешно.

Солнце залило комнату, и вся эта рвань за окном как-то особенно приветливо и простенько запестрела. Когда там, за окном вагона, после бесконечных квадратов черной и бурой земли, оврагов, перелесков и лужков, вырастали груды крыш, а станция бросала в глаза имя своего городка, чтобы через минуту скрыть его навсегда — крыши эти были, как встречи во сне, слиты и призрачны. А тут, вот сейчас, выйду, увижу, проеду из конца в конец, и каждый нелепый домик с замшившимся тесом на крыше будет как свой и войдет в глаза на утреннем холодке, как новая жизнь и какая-то своя правда.

Черт знает что, — разбежался и вспыхнул, иду на встречу и знаю сам, что не к чему. Чужое и вымороченное. Солнце и из навоза стихотворение в прозе делает...

Вот и вечер. Мужик с бляхой на затылке, в картузе, в нагольном тулупе. Борода до бровей, глаза как у Шелли, но десять рублей вместо шести, как надо бы взять, все-таки спросил и не уступил. Случай редкий — как не содрать, — поневоле в славянской душе проснулись итальянские инстинкты.

— Как вас зовут?

— Трифон.

— С колокольчиком поедем?

— Уж как полагается; погоди, за город выедем, отвяжу балабон-то. В городе исправник не позволяет.

— А сам небось всегда с колокольчиком?

— Да ему кто ж запретит?

О, какие лошади! И не только у моего извозчика, вон и рядом, и еще вдоль забора, у всех извозчиков такие. Опилками они их кормят или хворостом? Или ничем? Усаживаюсь на ржавые, оборванные дрожки, смотрю и жду. Если бы нищий мог держать свой выезд, у него должен был бы быть точно такой экипаж и лошади. Спины так остры, что глазам больно — их бы куда-нибудь в лошадиную санаторию, что ли, а не гнать за тридцать верст. Овсом кормит, оказывается. Полную торбу под себя подложил.

— Но, эй!

Поехали, я думал — не повезут. Качаюсь вправо, качаюсь влево, голова болтается, камни на мостовой как черные клавиши, протарахтел мост, улица полезла в гору, тащимся, и с каждым шагом из-за крутого взгорья с желтой церковью все шире и шире разворачивается лиловая световая даль... Но глаза еще отворачиваются, ждут полного простора там, за городом, чтоб нанирваниться допьяна, без помехи. Опять повернули. Серые от дождей матовые заборы отливают тусклым блеском на сучках, над заборами — яблони. Кое-где среди ржавых лепестков белеет еще последний цвет, — так давно, так давно не видел... Там, за заборами, скамейки под густыми кустами, беседки, закрытые хмелем, тишина и сырость... Мимо, ни к чему! «Продажа муки и прочего зерна». Еще одна церковь. К чему им столько? Домики все реже, еще один, другой. У последнего старик в пиджаке и нижнем белье отворяет ставни. Конец.